

сам король. Предоставьте только случай.

Нечего и говорить, как кичился этим наш цирюльник. Спесь его вскоре превзошла всякие пределы. Однажды он сказал мастеру Жану Понтале:

– Знаете что, Понтале? С сегодняшнего дня вы больше не будете звать меня на ваши игры каждый день. Я хочу участвовать лишь в каких-нибудь нравоучительных представлениях, где должны выступать знатные лица вроде, например, королей, принцев и вельмож. А кроме того, я хочу играть лишь самые лучшие роли.

– В самом деле, – сказал мастер Жан Понтале, – вы правы и вполне этого заслуживаете. Почему вы не надоумили меня раньше? Я сделал большой промах, что не догадался сам. Но теперь у меня есть для вас на будущее время кое-что приятное: я задумал одну очень хорошую вещь и дам вам на подмостках самое лучшее место. Для начала я прошу вас прийти ко мне в будущее воскресенье. Я должен представлять одну интереснейшую мистерию, в которой будет выступать царь Великой Индии. Ведь вы согласитесь играть эту роль? Не так ли?

– Да, – ответил цирюльник, – кто же может сыграть ее, кроме меня? Только дайте мне именно эту роль.

Понтале исполнил свое обещание на другой же день. А в день представления наш цирюльник показался на сцене сидящим на троне со скипетром в руке в самом пышном царственном великолепии, какое только когда-либо выпадало на долю цирюльника. Между тем мастер Жан Понтале сделал уже все приготовления, чтобы высмеять господина цирюльника. Он охотно читал прологи к своим представлениям сам, и когда зрители собрались, он, хотя и вышел на ступеньки последним, выступил, однако, первый и произнес следующие слова:

*Я, ваш смиреннейший служитель,
Не знатен родом, не богат.
Но этот Индии властитель
Частехонько сқоблил мне зад.*

Чтобы больнее высмеять кичливость цирюльника, он произнес эти слова с самыми забавными ужимками, и все представление вел так, что царь Индии должен был молчать и не показывать вида, что сердится, ибо в противном случае он мог бы испортить игру. И научил же он тогда господина цирюльника играть царей, и пожалел же тот, что не отправился в свою баню!

Про этого же Понтале ходит, например, еще такой рассказ (хотя некоторые и отрицают, что в нем рассказывается про него, но о ком бы он ни был, а рассказ интересный). В какой-то большой праздник один священник взошел на кафедру читать проповедь. А читая проповедь, он очень часто уклонялся в сторону и угощал своих слушателей самой вздорной болтовней.

– Как вы думаете, – говорил он, – кто я? Очень мало таких священников, которых можно допустить к кафедре. Даже самые ученые священники большей частью совсем не умеют читать проповедей. Но бог дал мне и ученость, и ораторский талант. Я просвещен всеми науками.

Затем, показав пальцем на свой лоб, он говорил!

– Сын мой, если тебе нужно знать грамматику – она здесь. Риторику – она здесь, философию – она здесь. Богословие – я могу поспорить в нем с любым сорбоннским доктором. Еще три года назад я ничего не знал, а теперь вы видите, как хорошо я читаю проповеди. Бог посылает свои милости кому следует.

Однажды мастер Жан Понтале, собравшись давать в послеобеденное время какое-то интересное представление и хорошо зная этого проповедника, прохаживался уже в костюме и гриме по городу и случайно подошел к церкви, где этот проповедник читал проповедь. Мастер Жан Понтале остановился на площади возле церкви, и чтобы заставить его умолкнуть, а также чтобы зазвать слушавший его народ на свое представление, погромче и побольше бил в свой тамбурин. Но вышло как раз наоборот. Чем больше он производил шуму, тем громче кричал проповедник. У Понтале с проповедником или, точнее, у проповедника с Понтале началось состязание – кто победит? Наконец проповедник пришел в ярость и громко, повелительным тоном сказал слушателям:

– Идите и велите этому тамбурину замолчать!

Но никто его не послушался, а если кой-кто вышел из церкви, так только затем, чтобы посмотреть на мастера Жана Понтале, который продолжал еще сильнее бить в свой тамбурин. Видя, что Понтале не перестает и что никто не повинуется проповеднику, последний сказал: